

Криминальный роман:
любовь и преступление

Людмила Мартова

ПОСЛЕДНИЙ
ШТРИХ К ПОРТРЕТУ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Kseniya Maruk, Milena Dimitrova / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мартова, Людмила.

М29   Последний штрих к портрету : [роман] / Людмила Мартова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168392-4

Катя Холодова восхищается бабушкой своей подруги: Аглая Тихонова стойко перенесла не одну трагедию, сохранив и статью, и стиль, и манеры, отличающие потомственную дворянку. Новую внезапную беду Аглая Тихонова встречает не дрогнув, но Катя-то видит, что пожилая дама напугана. Кажется, призраки оживают, не желая более хранить тайны прошлого, и мирная жизнь пожилой аристократки превращается в сущий кошмар с убийствами, шантажом и поисками мифического золота... Или золото все-таки было?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168392-4

© Мартова Л., 2022
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2022

Лилии Сенченко,
увлеченной
своей работой
и помогающей
найти все,
что скрыто.

Пусть мертвое
прошлое
хоронит
своих мертвецов.
Э.М. Ремарк
Три товарища

На улице шел дождь. Это лето в Москве вообще оказалось щедрым на дожди, они всё шли, затапливая улицы, словно насмешливо напоминая о далекой Венеции, кажущейся сейчас из-за карантинных ограничений несуществующей. Как, к примеру, Луна. Хотя Луну по ночам хотя бы в окошко видно.

Впрочем, для пожилой женщины, сидящей сейчас на мокрой скамейке, наклонившись вперед, чтобы не чувствовать спиной влажную деревянную спинку, и кутающейся в непромокаемый плащ, Венеция и Луна были равно далеки от реальности. И то и другое она видела только на картинке и даже не мечтала никогда, что может оказаться там на самом деле. Она же не Илон Маск.

Кто такой Илон Маск, она тоже не очень понимала. Про него и его полет на Луну что-то говорила внучка Тонечка. Или это не сам Маск полетел на Луну, а только корабль, строительство которого он оплатил? Или вообще не на Луну, а просто в космос? Ежащуюся от сырости женщину эти детали совершенно не интересовали. Все ее мысли сейчас были сосредоточены на том, что, наконец-то, она сможет дать Тонечке все, чего та заслуживает. Больше кровиночке не придется мыкаться по

съемным квартирам, потому что бабушка купит ей свою собственную. Не надо будет сниматься в третьесортных сериалах, чтобы заработать, а можно будет спокойно тратить время на пробы, чтобы получить настоящую роль. Ту, что прославит девочку навсегда. А для этого нужны деньги. Большие деньги, которые у нее теперь будут. Совсем скоро.

Женщина посмотрела на часы – маленькие золотые часики, подаренные давным-давно на окончание школы, на долгую память – и нахмурилась. Человек, которого она ждала, опаздывал, а это было неправильно. Что ж, то, что у нее действительно оказалась долгая память, – к лучшему. И ее непунктуальный визави за это заплатит. Щедро заплатит. Так, что хватит и Тонечке на баззаботную жизнь, и ей самой на безбедную старость. Что ж, это хорошо. Это славно.

Боль, неожиданная, а от того особенно пугающая, возникла ниоткуда. Вот только что она сидела на мокрой лавочке, подставив лицо потокам влажного воздуха, и думала о внучке, и у нее ничего не болело, а мгновение спустя острое жало ввинтилось под левую лопатку и тут же заполнило собой грудь, разрывая ее на части. Еще через миг пожилая женщина осознала, что умирает.

Это было так неправильно и настолько не вовремя, что она попыталась жалобно вскрикнуть от терзающей ее бессмысленной несправедливости. Не сейчас, пожалуйста, не сейчас. Пусть не будет никакой безбедной старости, пусть вообще больше ничего не будет, лишь бы успеть получить деньги, которые она заслу-

жила по праву. Получить и передать Тонечке. Она не может сейчас умереть, оставив девочку без всего. Не может. Не должна.

Человек, стоящий за ее спиной, усмехнулся тому, что эта глупая курица, осмелившаяся на банальный шантаж, даже не успела ничего понять. То, что она сидела, наклонившись, существенно облегчило задачу. Опирайся она на спинку скамьи, пришлось бы импровизировать, а так все получилось как нельзя лучше. Тихо скользнуло в карман просторного плаща сделавшее свою работу шило. Чувства триумфа от восстановленного порядка не возникало. Чувства удовольствия от совершенного убийства — тоже. Кто говорит, что убивать приятно? Только маньяки. Маньяком человек в плаще себя не считал и убивать ему не нравилось. Он просто делал то, что было необходимо. Вот и все.

Бросив последний взгляд на пустынный в такую погоду бульвар, человек пошел прочь. У скамейки, на которой все так же сидела одинокая старушка, убийца провёл не больше двадцати секунд.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1969 год, Магадан

Старуха вызывала восхищение, граничащее с ненавистью. До того, как Иринка ее узнала, она даже не догадывалась, что можно восхищаться и одновременно ненавидеть, и что эта ненависть, вызванная чужим превосходством, недостижимой элегантностью и породистостью, что ли, может быть такой сладкой и острой одновременно. Практически как оргазм.

Потерю девственности в пятнадцать лет, да еще в сугробе за одним из деревянных барачков, на кои так щедр был город, старуха точно не одобрила бы, но рассказывать о своем первом сексуальном опыте Иринка и не собиралась. Меньше знает, лучше спит.

Распеканий и выговоров она не боялась и скучных нотаций тоже. Старуха никогда не орала, Ира вообще ни разу не слышала, чтобы она когда-нибудь повышала голос. В минуты недовольства чьим-то несовершенством — Иринкиным, Нюркиным, Глашкиным ли, неважно, — она лишь изгибала красивую холеную соболиную бровь, немислимую в местных широтах, словно не недовольна была, а изумлена. И от этого движения брови собеседник тут же превращался в раздавленную, распластанную на стекле муху, уже обреченную, но еще жи-

вую, вяло перебирающую лапками в преддверии неминуемой кончины.

В старухе вообще все было невысказанным, невозможным для Магадана: высоко забранные в ракушку на затылке густые волосы, брошь-каменя у тонкого горла, длинные пальцы в перстнях, которые старуха не снимала, даже когда мыла в холодной воде посуду, длинные, чуть шуршащие юбки до пола, из-под которых никогда и ни при каких обстоятельствах не показывался даже краешек чулка, спокойный взгляд серых глаз, никогда не темневших от ярости, боли или разочарования. Спокойными как вода подо льдом были эти глаза, как будто никогда не знавшие страсти. Вечно обуреваемую страстями Иринку это спокойствие бесило.

Каждый раз, оказываясь у Глашки в гостях, она внутренне собиралась, скручивалась в тугий узел, чтобы тщательно контролируемые эмоции не вырвались наружу, не сорвали маску бедной, но вежливой девочки из очень простой семьи, которая готова на все, лишь бы получить образование и вырваться из той мерзости, в которой проходила ее жизнь.

Она и правда была готова на все, чтобы уехать из Магадана, поступить в институт в далекой, никогда не виданной Москве, а потому и в школе училась яростно, не давая себе ни малейшей поблажки, и к Глашке таскалась каждый день, глуша яркую ненависть к старухе, потому что та натаскивала их обеих на поступление в институт, хваля Ирину даже больше внучки. И за усердие, и за талант.

Да, старуха говорила, что одетая в перелицованное материнское пальто и сшитую из старых штор юбку девчонка, чей отец отбывал наказание за то, что снял скальп с конвоира, очень способна к наукам. Иринке хотелось верить, хотя иногда она нет-нет да сомневалась, что Глашкина бабка говорит правду. Вдруг просто жалеет? Впрочем, жалостливой Аглая Дмитриевна не была, наоборот, выглядела жесткой, как металлическая балка, и закаменнейшей, как сверхпрочный кусок гранита. Что ж, на то у нее, надо признать, было предостаточно причин.

Насколько старуха была твердой, настолько Ольга Александровна, ее дочь и Глашкина мама, была пластичной, напевной, текучей. Иринке нравилось смотреть, как Ольга распускает волосы. Достает шпильки из тяжелого узла на затылке, чуть встряхивает головой, и шелковый водопад все льется на узкую спину с выступающими ключицами, словно и не кончится никогда.

Острое несоответствие между высеченным из камня профилем матери и неуловимым, постоянно меняющимся выражением лица дочери, словно выполненного из мягкой, тающей под пальцами глины, цепляло и заворачивало Иринку так остро, что иногда, приходя в дом к Колокольцевым, она забывала дышать.

Любопытно, что неспешная, вялая, слишком худая красавица Ольга с ее пшеничными волосами и тихим, всегда немного извиняющимся голосом Иринке нравилась, несмотря на полное отсутствие в ней характера, огня, внутренней силы. А вот старуху с ее железным стержнем внутри она ненавидела, хотя и восхищалась ею.

Бушевавших в Иринке страстей Глашка не замечала. Для нее Ира Птицына была просто верной подружкой, самой близкой, той, что в начальной школе защищала от нападок одноклассников-хулиганов и однажды даже огрела по голове портфелем Диму Зими́на, который Глашку истово ненавидел, а потому задира́л с особой жестокостью, какая встречается только в детстве.

Иринке Зимин нравился, точнее, она его любила, но не вступить за Глашку не могла, потому что это было бы не «по понятиям». В Магадане, где все население, пожалуй, делилось на эков и конвоиров, не вступить за своего считалось позором и слабостью.

Иринка и сама не знала, когда так случилось, что Глашка стала для нее своей. Точнее, это она стала своей в доме Колокольцевых. Между нею и ее подругой зияла пропасть, которую было не перепрыгнуть. Тихон Колокольцев долгое время был начальником прииска, на котором работали заключенные, и, хотя Иринкин отец там не сидел, для нее этот факт все равно должен был быть основополагающим. Но почему-то не стал.

К тому моменту, как Иринка и Глашка встретились за одной партией, чтобы больше не расставаться, прииск был уже закрыт, а Колокольцев переведен на партийную работу. Второй секретарь обкома... Его нынешняя должность делала разверзшуюся между двумя девочками пропасть еще более широкой, однако Иринка, понимая, что перепрыгнуть через нее невозможно, шла над пропастью по туго натянутому канату, ежеминутно осознавая, что может сорваться и погибнуть, но все-таки уму-

дряясь балансировать и мечтая только о том, чтобы канат нечаянно не провис.

Глашку назвали в честь бабушки, что вызывало у Иринки легкое недоумение. Как жить в одной квартире людям, которых зовут одинаково, и не запутаться? Впрочем, если хорошенько рассудить, в этом не было ни капли странности. Аглая Дмитриевна – божество, совершенство, тигр с головой античной статуи – отравляя своим существованием все вокруг, оплетала, как многощупальцевый спрут, слабовольную дочь и могущественного зятя, соседей и знакомых, школьных учителей и педагогов театральной студии, в которой занимались Глашка, Нюрка и Иринка. Внучку же она и вовсе подчинила себе целиком и полностью, и общее имя было лишь малой толикой этого глубинного обладания.

Однажды Иринка попробовала обсудить это с Нюрок, третьей их подружкой, конечно, не такой близкой к Глашке, как сама Иринка, но тоже входящей в узкий доверенный круг «своих», которым позволено было приходить в квартиру Колокольцевых. Так эта дуреха даже не поняла, о чем Иринка толкует.

– Ты что, Ир, – спросила она, смешно округляя глаза, почти лишенные ресниц. Из-за этого Нюрка была немного похожа на сову, но никто не смел ее дразнить, потому что не хотел получить от Иры Птицыной портфелем по голове. – Ты что, считаешь Аглаю Дмитриевну злой? Но она ведь очень добрая. И Глашку любит, и Ольгу Александровну, и к Тихону Ильичу с уважением относится, понимает, что он их с Ольгой от верной смерти спас, а теперь обеспечивает так, как в Магадане мало кому

удается. И мы с тобой от нее ничего, кроме доброты, за все эти годы не видели. Она же нас практически вырастила.

– Вырастила... Скажешь тоже, – фыркнула Иринка.

– Ну, может, и не вырастила, но кормила наравне со своей внучкой, и книжки давала читать, и на все вопросы всегда отвечала, о чем ни спроси. Почему ты ее не любишь?

– А с чего мне ее любить, она не моя бабушка, а Глашкина, вот пусть та ее и любит, – независимо шмыгнула носом Иринка, хотя Аглая Дмитриевна запрещала так делать, уверяя, что врожденное отсутствие хороших манер проявляется именно в таких вот мелочах. Обычно Иринка за собой и своими манерами следила, а сейчас не сдержалась, с ужасом понимая, что практически спалилась. – И вообще, с чего ты взяла, что я ее не люблю? Я Аглаю Дмитриевну очень уважаю и благодарна ей за все, что она для меня делает. Если бы не она, у меня бы даже призрачного шанса на поступление в институт не было.

– Счастливые вы с Глашкой, – завистливо протянула Нюрка. – В Москву поедете. Как бы я хотела хотя бы одним глазочком на Москву взглянуть. Но с моим аттестатом мне только на хлебозавод дорога. Хотя вот поступите вы с Глашкой, будете в Москве жить, а я к вам в гости приеду. Хотя бы ненадолго. И вы мне все-все в Москве покажете.

– Ага, приедешь ты, тебя мамка не отпустит, – насмешливо сказала Иринка, чувствуя, что опасный поворот разговора пройден.

– Конечно, не отпустит. Ей ни за что денег на самолет не собрать, да и оробеет она меня отпускать. Тебе хорошо, у тебя мамка смелая.

Иринка, прекрасно знавшая, что мама свое отболялась много лет назад, дипломатично промолчала. Молчать было спокойнее. Правильнее. И с чего это ее сегодня на откровения про Аглаю Дмитриевну потянуло? Привычная застарелая ненависть к старухе вспучилась, как трясина, раздираемая болотными газами, и тут же послушно улеглась на положенной ей глубине. Никто не должен догадаться о раздирающих душу Иринки страстях. Никто. Когда она снова подняла на подругу глаза, они были ясны и прозрачны, как морская вода весной. У нее нет повода ни для ненависти, ни для беспокойства. Если бы кто-нибудь в тот момент сказал семнадцатилетней Иринке Птицыной, что совсем скоро она умрет, она бы удивилась и ни за что не поверила. В ее возрасте молодые люди обычно думают, что будут жить вечно.

– Пойдем цветов нарвем, – сказала она Нюрке беззаботным тоном. – Аглая Дмитриевна любит георгины, вот мы ей их и принесем.

Наши дни, Москва

Нужно не забыть купить цветы. Катя всегда помнила, что Аглая Тихоновна любит георгины. Конечно, для них пока не сезон, но, слава богу, в Москве круглый год можно купить любые цветы, поэтому с георгинами проблем не будет. Впрочем, во всем, что касалось Аглаи Тихоновны, проблем быть в принципе не могло.

Она была самым беспроблемным человеком, когда-либо в жизни встреченным Катей, актрисой Екатериной Холодовой, привыкшей разбираться с любой проблемой на счет «раз».

Аглаей Тихоновной Катя искренне восхищалась. Не внешностью, нет, хотя к 68 годам пожилая женщина сохранила и роскошную густоту волос, которые носила высоко забранными в ракушку на затылке, и соболиный размах бровей, тщательно подкрашенных самую малость, и бездонность глаз, серо-голубых, похожих на воду под толщей льда, и точеную фигурку, легкую, подвижную, как у юной девушки. Аглая Тихоновна носила только юбки, считая «штаны» исключительной прерогативой мужчин. Длинные, шуршащие юбки из тафты, мягкие, струящиеся из трикотажа, теплые твидовые, шаловливые ситцевые, парадно-выходные из шелка – все они красиво обтекали фигуру, оставляя легкую недосказанность. Из-под юбки мог выглядывать только носок элегантного ботинка или туфельки на каблуке, но никогда краешек чулка или, упаси господь, полоска кожи.

Длинные пальцы в перстнях, умело и небрежно державшие мундштук со вставленной в него сигаретой, казались трепетными и робкими, как у юной девушки, но Катя не давала этим пальцам себя обмануть, поскольку знала, что Аглая Тихоновна сорок лет отработала хирургом, а значит, движения ее пальцев умели быть четкими и скупыми, такими, от которых зависит жизнь.

Аглая Тихоновна вообще скупа на движения, слова и эмоции, как и положено потомственной аристократке, прекрасно знающей себе цену. Завершала идеальный

образ брошь-каменя у тонкого горла, старинная и наверняка дорогая. И Катя даже самой себе не признавалась, что ходит в гости не к Глашке, юной своей коллеге по театральному цеху, над которой взяла своеобразное шефство, а к Аглае Тихоновне, ее бабушке.

С Глашкой они делили гримерку в театре. Так уж получилось два года назад, что в театр пришли сразу две выпускницы Щепкинского училища – Аглая Колокольцева и Анна Демидова, и их подселили к Екатерине Холодовой, которая после ухода на пенсию одной из актрис театра получила гримерку в полное свое распоряжение.

Сначала из-за шумного соседства «птенцов», как про себя называла старлеток Катерина, она немного огорчилась, но быстро успокоилась. Во-первых, она никогда не переживала из-за того, что была не в силах изменить, а во-вторых, девчонки оказались веселыми, добрыми, трудолюбивыми и совершенно ненапряжными. С ними Катерина всегда чувствовала себя моложе, словно исчезали шестнадцать лет, пропастью лежащие между ней и «птенцами». В компании Глашки и Ани она чувствовала себя молодой и беззаботной, и это давно забытое чувство было, черт подери, приятным.

Так, надо не забыть заказать георгины. Странно, но Аглая Тихоновна действительно походила на эти цветы, простые и изысканные одновременно. Впрочем, сама она утверждала, что георгины напоминают ей о детстве, проведенном в Магадане. В том суровом климате выживали лишь петунии, бархатцы, ноготки и георгины. И именно они стали для Аглаи Тихоновны символом роскоши.

– Папа всегда дарил их маме, – рассказывала она Кате за чашкой чая. – Он вообще баловал ее страшно, потому что очень любил. Трудно было представить рядом двух более не подходящих друг другу людей. Дочь потомственной дворянки и зэка, отпущенного на поселение, вышла замуж за начальника прииска, представляете, Катенька? Это был немыслимый мезальянс, совершенно невозможный. Конечно, мама его не любила, но бабушка настояла на том, чтобы она приняла предложение, потому что это давало им шанс выжить: бабушке и маме. И мама пошла на эту жертву, представляете? И папа понимал, что это именно жертва, мне всегда казалось, что она выглядит в его глазах таким жертвенным оленем, который лежит на алтаре со связанными ногами и ждет, пока ему в шею вонзят острый нож. Но он действительно ее любил и баловал безмерно. Как, впрочем, и меня.

Когда Аглая Тихоновна начинала говорить о прошлом, в глазах ее всегда мерцал странный свет, как отблеск какого-то внутреннего пламени, причину которого Катерина все силилась разгадать, но не могла. В Аглае Тихоновне ей вообще виделось что-то таинственное, мистическое, что влекло Катерину к пожилой женщине с неведомой силой, отчего она напрашивалась к юной подруге на чай в любую свободную минутку. Впрочем, она знала, что в доме Колокольцевых ей всегда рады и ее присутствием не тяготятся.

Ее удивляло, что Анна ходить к Глашке домой не любила, более того, всячески избегала там бывать, придумывая любые предлоги, чтобы отказаться от предложе-

ния и откровенно изнывая во время визитов, от которых уклониться не удалось, сводя их к допустимому приличиями минимуму.

Как-то Катя любопытствовала почему. Они в тот день были в примерной вдвоем, потому что Глашка приболела и на работу не пришла, и Катя собиралась после репетиции заехать ее проведать, что, естественно, было просто поводом поболтать с Аглаей Тихоновной.

– Поедешь со мной? – спросила она у Анны и, заметив, что ту перекосило от подобного предложения, спросила, что не так.

– Я не знаю, – честно сказала тогда Анна, – но я в присутствии старухи ужасно неуютно себя чувствую. Как будто она знает про меня что-то такое, что может разрушить всю мою жизнь.

– Что за глупости? – рассмеялась тогда Катя, потому что в словах Анны не было ни грамма здравого смысла. – Что такого она может про тебя знать, если ты вся как на ладони. Прости. И не называй ее старухой. Ей это слово совершенно не подходит.

– Да не во мне дело, – с досадой ответила Анна, предпочтя проигнорировать легкую выволочку за «старуху». – Я не знаю, как тебе объяснить, чтобы ты поняла. Наверное, все дело в том, что я человек творческий, мне свойственны смятение, колебания, внутренние сомнения. А у Аглаи Тихоновны все кристально ясно и понятно. Все по полкам разложено, в том числе и в голове. Ей несвойственны терзания, она к своей цели идет по прямой, не сворачивая.

– Ну, она хирург, – заметила Катя. – Это, знаешь ли, действительно накладывает некоторый отпечаток на личность. В плане цельности натуры ты совершенно права. Но именно это мне в ней и нравится. Она после такой трагедии уцелела, практически из пепла восстала. Это же ужасно – потерять в юности всю семью, но не пропасть, а состояться. И потом, ты же знаешь, что она единственную дочь похоронила, но после этого тоже не позволила себе развалиться и Глашку вырастила, заменив ей родителей.

– Да знаю я это все, – махнула рукой Анна. – Может быть, именно потому, что знаю, она мне кажется роботом, а не человеком. Запрограммированной бездушной машиной, неспособной на эмоции. А я – актриса. Я без эмоций не могу. Да и аристократизм этот... Голубая кровь, белая кость... Катя, я из простой семьи. Мне все эти выкрутасы не по нутру.

– Ну да, конечно, – Катерина рассмеялась звонко и весело, потому что так ловко поймала Анну, которая по привычке опять играла. Актрисам трудно удержаться от переноса игры в повседневную жизнь, нет-нет да и очутишься на подмостках, чтобы наиболее выигрышно произнести ту или иную фразу. – А то я не знаю, что твой папа – вице-адмирал Тихоокеанского флота. Из простой семьи... Ну надо же...

– Можешь не верить, но у меня бабушка поваром в столовой для моряков работала. То, что папа военную карьеру сделал, только его заслуга и ничья больше. Точнее, еще бабушкина, потому что она жизнь положила на то, чтобы отца выучить и в люди вывести. Так что я жизнь

простых людей очень хорошо знаю, с детства на бабулю смотрю. Вот она у меня – настоящая. А Аглая Тихоновна словно роль играет.

– Она в детстве играла в драматическом кружке, – сухо сообщила Екатерина. Все, что говорила сейчас Анна, было сущим вздором. Кате это было совершенно очевидно. – Она нам с Глашкой рассказывала. А аристократизм... Знаешь, Аня, гены – такая штука, что пальцем не выковыряешь. И если справедлива поговорка, что от осинки не родятся апельсинки, то это правило и наоборот работает. Бабушка Аглаи Тихоновны была дворянкой, Смольный, между прочим, заканчивала. Ее, кстати, тоже Аглаей звали. Это традиция у них в семье – внучку называть в честь бабушки. И они ее свято чтут, как и многое другое. У меня это вызывает только уважение, потому что преданность корням нынче редкость. Но я тебя ни в чем не убеждаю. Ты вправе относиться к другим людям так, как считаешь нужным.

Неприятный для них обеих разговор Катя тогда замыла, умело переведя его на другую тему, и больше они с Анной к этому вопросу никогда не возвращались. Анна дружила с Глашкой в театре, вместе бегала на пробы, чтобы сняться в каком-нибудь сериале, они ходили в общие компании, которые собирались в каком-нибудь кафе, но домой к подруге она старалась не попадать. В отличие от Катерины, которую в ее молодой подружке больше всего прельщала возможность скоротать вечер вместе с ее необыкновенной бабушкой.

В последний раз Катерина была у Колокольцевых в середине марта. Потом ворвавшийся в их размеренную жизнь коронавирус лишил ее привычных посиделок на большой, с любовью и вкусом обставленной кухне. Аглая Тихоновна была в группе риска, и, хотя к возможности заразиться она относилась с легкой улыбкой, Катя считала себя не вправе рисковать чужой жизнью, а потому в гости ходить перестала.

За прошедшие три месяца она, конечно, пару раз разговаривала с Аглаей Тихоновной по скайпу, но это было совсем не то, что живое общение. Именно поэтому сегодняшнего вечера она ждала с особым нетерпением. 25 июня Аглая Тихоновна отмечала день рождения и собиралась впервые с начала пандемии открыть дом для гостей.

Так, не забыть заказать георгины. Зайдя на сайт любимого цветочного бутика, в котором всегда можно было выбрать что-то необычное, Катерина с головой погрузилась в составление флористической композиции, достойной изысканного вкуса Аглаи Тихоновны и ее сегодняшнего дня рождения.

1969 год, Магадан

Свой день рождения Глаша любила. С самого раннего детства он означал подарки – книжку от бабушки, какой-нибудь странный пустячок типа начатой коробки конфет от мамы и что-то очень желанное от папы: новая кукла, когда Глаша была еще ребенком, отрез шерсти на платье, модные ботинки или ювелирное украшение, когда она стала старше.

У папы – серьезного, занимающего ответственный пост, видевшего в этой жизни такое, что Глаше даже и не снилось – дочка была главной, а точнее, единственной слабостью, ради которой он был готов на все. К счастью, у папы хватало ума внешне никак этого не показывать. О его безграничной любви к дочери, пожалуй, знали только они двое. И еще, конечно, бабушка, потому что та знала вообще обо всем на свете.

Кроме подарков, была еще одна причина, по которой Глаша любила свой день рождения. К последним числам июня в Магадане устанавливалось короткое и не очень щедрое лето, которого Глаша всегда ждала с нетерпением. Это трепетное и сладкое ожидание начиналось с последних учебных дней, когда в школе подводились итоги года, выдавались дневники с оценками, а затем наступали каникулы.

Учеба давалась Глаше легко, в ведомостях годовых оценок у нее не было ничего, кроме пятерок, поэтому итоговых контрольных она не боялась, реакции родителей на принесенный домой дневник тоже. Даже сами каникулы ей были, по большому счету, неинтересны, потому что учиться она любила и в школу ходила с удовольствием.

Просто с началом каникул так получалось, что как-то враз, практически за одну ночь зеленели сопки, а это означало, что пусть и ненадолго, но в Магадан пришло тепло. Относительное, конечно, всего-то плюс двенадцать-пятнадцать, максимум двадцать градусов. Но и они означали, что можно будет поваляться с книжкой на пля-

же, даже не надеясь, конечно, искупаться в холодном море.

В начале июня на берегу Нагайской бухты было принято собираться компаниями и ждать, когда пойдет на нерест мойва, которую местные, и Глаша тоже, называли уёк. Глаша как зачарованная смотрела, как вместе с накатом волны рыба устремляется к берегу, отражая солнечный свет переливчатой спинкой, отчего блики шли по воде так, что слепило глаза.

На мелководье мойва быстро сбрасывала икру и торопилась успеть обратно вместе с убегающей волной, а если не успевала, то приходилось ждать следующей, и мойва лежала на обнажившемся песке, жалобно открывая рот, словно пела в преддверии смерти, но волна приходила и уносила ее обратно в море — непобежденную и свободную.

Почему-то нерест мойвы напоминал Глаше о революции. Она даже как-то поделилась с бабушкой своим наблюдением за пламенной революционеркой — мойвой, но бабушка только усмехнулась и постучала Глашу по лбу согнутым указательным пальцем, что делала всегда, когда была внучкой недовольна.

— Слишком много фантазий у тебя, — только и сказала она. — А фантазии до добра не доводят. В жизни преуспевает только тот, кто живет в ее реалиях. Запомни это.

С последним постулатом Глаша была несогласна. Не было в мире более далекого от реалий человека, чем ее мать, но тем не менее никто не мог сказать, что ее жизнь в чем-то не удалась. Замужем за достойным чело-

веком, обеспечивающим ее всем необходимым, дом — полная чаша, муж обожает, дочь — умница и отличница. Ольга Колокольцева никогда не работала, но помогала придумывать костюмы для областного музыкально-драматического театра.

При постановке очередного спектакля именно она рисовала эскизы для всех костюмов, которые потом шились в мастерских театра. Здесь же одевалась и Ольга. Наряды для себя, уникальные, ни на что не похожие, она тоже придумывала сама, после чего муж доставал ей необходимые ткани, а портнихи шили блузки и юбки, платья и шубки, изготавливали шляпки и перчатки, броши и шарфы, которые Ольга обожала, считая без них образ незавершенным.

Мама всегда напоминала Глаше Спящую царевну. Она плыла по жизни словно в полусне, оживая только тогда, когда рисовала свои эскизы. Глаша знала, что мама вышла замуж без любви, и отчаянно ее жалела, потому что любовь представлялась семнадцатилетней Глаше обязательным условием счастливой жизни. Но и назвать мамину жизнь несчастной язык не поворачивался, потому что у Ольги Колокольцевой было все, о чем большинство жительниц Магадана могло только мечтать. В том числе и безусловная любовь мужа. В том, что папа любит маму, глубоко, беззаветно, пусть и без взаимности, а лишь с тихой покорностью в ответ, Глаша была уверена. И знала, что за эту любовь бабушка бесконечно ему благодарна, несмотря на то, что Ольге Тихон был не ровня, с какой стороны ни смотри.

Дней через десять-пятнадцать после нереста мойвы и наступал Глашин день рождения, который всегда отмечали шумно и большой компанией. Из Магадана никто из одноклассников не уезжал на лето, некуда было отсюда уезжать, поэтому нехватки гостей не наблюдалось. Бабушка пекла обязательные пироги, папа приносил соленую рыбу и икру, варилась картошка и на хлебных корках настаивался настоящий домашний квас.

Гостей звали к обеду, а после пяти часов, когда все расходились, дома оставались только «свои»: бабушка, папа, мама, Глаша и две ее самые близкие подружки, Иринка и Нюрка. К ужину до золотистой корочки запекалась курочка в духовке, открывалась бутылка вина или шампанского, и девочкам наливали тоже, пусть и по чуть-чуть. И папа произносил обязательный тост за Глашино здоровье, а все торжественно чокались, и звон бокалов напоминал Глаше Новый год.

Новый год тоже был ее любимым праздником, перед которым на площади, разделяющей областной музыкально-драматический театр, в котором «работала» мама, и школу № 1, в которой учились Глаша и ее подружки, всегда ставили елку и насыпали горку для детворы. Но день рождения Глаша все равно любила больше, именно за то, что он приходился на короткое магаданское лето.

В этом году день рождения совпадал еще и с выпускным балом. Глаша заканчивала школу. Позади были выпускные экзамены, естественно, сданные с блеском, и отличный аттестат, к которому полагалась еще и зо-

лотая медаль. Такое же точно «золото» было и у Иринки, и за подругу Глаша была рада даже больше, чем за себя, потому что отличный аттестат был для Иры Птицыной единственным шансом вырваться в «другую» жизнь.

Глаша не признавалась даже самой себе, что их скорый отъезд в Москву для поступления в медицинский институт был вызван, скорее, необходимостью помочь Иринке, чем искренним желанием уехать в столицу самой. Отъезд из Магадана, расставание с семьей страшили Глашу, потому что она не представляла, как сможет просыпаться по утрам без запаха бабушкиных пирогов, шелеста ее длинной юбки, аромата маминых духов, ее отсутствующего взгляда, папиных объятий, поездок на его машине, из окон которой открывались потрясающие виды на сопки и море, рассказов обо всем на свете.

Она и врачом быть не хотела, мечтала стать актрисой, и это ее желание, втайне от отца и бабушки, подогревалось мамой, видевшей в театре смысл жизни. Ходить в театральный кружок при театре Глаше позволяли, но всерьез думать об актерской профессии, разумеется, нет.

Дочери второго секретаря обкома полагалось выбрать более серьезную специальность, и медицинский институт подходил как нельзя лучше. Врачом хотела стать Иринка, и о Москве она мечтала истово и яростно, и Глаша не спорила, понимая, что не сможет в далекой столице остаться совсем одна. Уж если ехать учиться, то только вместе.

В Москве, далекой и чужой, жили какие-то бабушкины родственники, точнее, родная сестра с мужем и семьей. У них можно было остановиться на первое время. Затем Тихон Колокольцев собирался снимать дочери и ее подруге квартиру. Возможности для этого у него были.

– Я помогу тебе, оплачу перелет до Москвы, поселю с Глашей, денег на продукты давать буду с учетом вас обеих, тут ты не беспокойся, – говорил он Иринке. – Но уж и ты будь добра, за Глашкой приглядывай. Ты – человек самостоятельный, на тебя положиться можно, а Глашка – домашняя девочка, все в облаках витает. Так что я тебе самое дорогое, что у меня есть, доверяю.

Так что по большому счету Глашин скорый отъезд в Москву был результатом удачно наложившихся друг на друга чужих желаний. Бабушка мечтала, чтобы внучка вернулась в Москву, которую она сама была когда-то вынуждена покинуть. Папа мечтал видеть дочь врачом. Мама грезила тем, как Глаша будет ходить по московским театрам. Иринка рвалась прочь из дома, бредила тем, как завоюет столицу, и для них всех Глаша была той точкой, в которой сходились их надежды и чаяния.

Чего хочет она сама, ее никто не спрашивал, а если бы и спросил, то она, пожалуй, не смогла бы ответить, потому что и сама не знала. Будущее страшило ее, и все чаще, просыпаясь ранним утром, на несколько часов раньше положенного, она лежала, глядя в белый потолок и понимая, что если бы ей дали выбирать, то, ско-

рее всего, она бы просто осталась дома. В Магадане. Рядом с людьми, которые ее любили.

25 июня. День рождения и выпускной. Ее ждет нарядное платье, которое придумала мама, и, разумеется, это будет самое красивое платье в классе. Ее ждут цветы – любимые георгины, которые как раз распустились под окном: белые, с нежным, чуть розоватым отливом. И новые туфельки, которые отец две недели назад написал из Владивостока.

Сегодня она получит аттестат и свою заслуженную золотую медаль, будет много танцевать и улыбаться, а послезавтра самолет унесет их с Иринкой в далекую неведомую Москву. Конечно, папа полетит вместе с ними, чтобы убедиться, что девочки хорошо устроились в столице. Он уже и командировку оформил, чтобы, по своей привычке, проверить все лично. Но потом, после экзаменов и зачисления, все равно придется оставаться в чужой и страшной Москве совсем одним. И пусть Иринку это совсем не пугает, та вообще смелая, безбашенная даже, но для Глаши будущее выглядит тревожно и неудобно. А значит, вполне еще можно успеть все переиграть и остаться дома.

Сегодня выпускной и день рождения, не надо портить их грустными мыслями и тяжелыми разговорами. В том, что ее ждет тяжелый разговор и с отцом, и с бабушкой, и с Иринкой, Глаша даже не сомневалась. Значит, разговоры нужно оставить на завтра, а сегодня веселиться и праздновать. Да, именно так она и делает.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наши дни, Москва

Сегодня они, наконец-то, будут веселиться и праздновать. Репетиция закончилась, и, вернувшись в гримерку, Катя с удовлетворением обнаружила, что заказанные цветы успели доставить. На часах было начало четвертого, зарядивший с утра дождь давно закончился, даже улицы успели подсохнуть и выглядели свежими и умытыми, как снявшая косметику женщина.

Что ж, можно отправляться на день рождения к Аглае Тихоновне. Катя легко пробежалась по лицу пуховкой, чуть тронула губы перламутровым блеском, вдела в уши тяжелые серьги, которые умело подбирала практически к любому наряду, считая их неотъемлемой частью своего образа. Это ее умение Аглая Тихоновна оценивала высоко, каждый раз выражая свое одобрение легким наклоном головы. Все ее жесты были, нет, не скупыми, а скорее царственными.

Прихватив одуряюще пахнущий букет, Катя заперла гримерку и, едва касаясь ступеней, сбегала вниз, кивком головы попрощавшись с вахтершей. Из-за карантинных ограничений народу в театре было мало, внутрь впускали только тех, кто непосредственно был занят в репетиции, в количестве не больше пяти человек. К примеру, и в гримерке Катя была одна, потому что ни Глаша, ни Анна в этом спектакле заняты не были.

Выйдя на улицу, Катя вдохнула сохранивший память о дожде воздух. Пах он вкусно, что, помимо простого

удовольствия от свежести, дарило еще и понимание, что она различает запахи, а значит, здорова. Нехитрый, но обнадеживающий тест. До дома Колокольцевых было не больше двадцати минут пешком, причем большая часть пути пролегла по Цветному бульвару, и маршрут этот Катя любила. Он был дополнительным удовольствием при визитах к Аглае Тихоновне, и сегодня Катя представила, как выглядит со стороны: стройная, легкая, улыбающаяся женщина с букетом георгинов, танцующей походкой неспешнодвигающаяся по летнему бульвару, чтобы поздравить с днем рождения одного из самых удивительных людей, которых она знала. Представила и рассмеялась.

– Здравствуйте, Екатерина, – голос, глухой, словно надтреснутый, шел откуда-то сбоку и чуть сзади, и Катя невольно дернулась от взявшегося ниоткуда страха, хотя при свете дня практически в центре Москвы ей было совершенно нечего бояться. – О, простите, если я вас напугал.

Она повернулась и увидела одного из своих учеников, с которыми занималась в созданном ею Открытом театре. Это было ее детище, ее любовь, ее страсть – Открытый театр, который собирал самодеятельных актеров и ставил любительские спектакли. Екатерина Холодова была его директором, режиссером, автором сценариев разворачивающихся на сцене спектаклей.

Впрочем, Открытый театр был не только площадкой для лицедейства, но и своеобразным психологическим тренингом, каждый из участников которого мог прожить на сцене свою проблему, проговорить ее вслух, прои-

грать, выплеснув боль, и, в конце концов, найти долгожданное решение.

Когда-то давно, в прошлой жизни, Катя, пытавшаяся собрать себя воедино после развода, вдруг поняла, что смягчить боль ей помогает именно сцена. Чтобы стать собой, иногда было достаточно сыграть кого-то другого. И именно это она и позволяла делать другим на занятиях Открытого театра.

Катин новаторский метод заключался в том, чтобы совместить любительский театр со своеобразной психологической лабораторией, и в прошлом году, во время выездного ретрита в Переславль-Залесский, пользуясь ее методом, удалось даже поймать убийцу¹.

С сентября она набрала новую группу, точнее, труппу, и полгода они ставили очередной спектакль, попутно «проигрывая» проблемы ее учеников, чтобы найти их решение. На июль они планировали премьеру, но в планы нагло вмешался ковид, с апреля Катя проводила репетиции онлайн, но это все-таки было не то, премьеру пришлось перенести на сентябрь, и все участники ужасно нервничали.

И вот сейчас перед ней стоял один из них, Владимир Бекетов, в повседневной жизни работавший следователем. Никаких психологических заморочек у него не наблюдалось, человеком он был устроенным просто, в чем-то похожим на параллелепипед, но на репетиции

---

¹ Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Лунная дорога в никуда».

все-таки ходил исправно, хотя Катя никак не могла взять в толк, зачем ему это нужно.

Иногда он появлялся и в театре, где служила Екатерина Холодова, как правило, поджидая ее после спектакля, чтобы подарить цветы. Во время жесткого карантина, когда театр был закрыт, Катя иногда сталкивалась с Бекетовым в магазине, и тогда он помогал ей доносить до дома тяжелые сумки с продуктами, поскольку она старалась выходить из дома как можно реже и закупаться впрок.

– Добрый день, Владимир Николаевич, – сказала Катя чуть суше, чем это допускали правила вежливости. Ему действительно удалось ее напугать. – Сейчас, по законам жанра, вы должны сказать, что оказались здесь совершенно случайно.

– Нет, не случайно. Я специально пришел, чтобы вас повидать, потому что по службе оказался неподалеку.

– По службе?

– Да, на Цветном бульваре убили пожилую женщину, а я сегодня дежурный следователь.

Желудок Катерины ухнул куда-то вниз, и ее сразу жестко затоснило, так сильно, что она испугалась, что ее вывернет наизнанку, прямо на замшевые туфли стоящего рядом мужчины. Она наклонилась и задышала открытым ртом, чтобы унять тошноту.

– Что с вами? Вам плохо?

– Мне нормально, – проскрежетала Катя. Голос ее стал глухим от выворачивающей внутренности тревоги. – А какую пожилую женщину убили на Цветном?

– Да в том-то и дело, что мы понятия не имеем, кто она, – воскликнул Бекетов. – У нее при себе документов не было. Видимо, кто-то из жительниц окрестных домов. Пришла в парк посидеть на лавочке, зачем для этого паспорт. Обход соседних домов, конечно, проводится, но Цветной бульвар немаленький, домов вокруг уйма, так что на скорый результат рассчитывать не приходится. Остается только ждать, пока кто-нибудь заявит о пропаже пожилой родственницы. Да что с вами, Екатерина, вы такая бледная?

Конечно, за Аглаей Тихоновной никогда не числилась привычка сидеть на лавочке на Цветном бульваре. Она вообще считала глупостью любое праздное времяпровождение, а прогулку полагала временем для физической активности, если уж нельзя сходить на выставку или в театр.

Если она смотрела телевизор, то параллельно обязательно еще вышивала или вязала, если присаживалась на кухне, чтобы разложить пасьянс, то одновременно еще пекла какой-нибудь обязательный кекс, если читала, то непременно делая пометки в специальном блокноте, чтобы потом еще раз вернуться к своим мыслям и хорошенько обдумать сюжет и поступки героев. Нет, Аглая Тихоновна не была человеком праздным.

А вдруг это ее убили на Цветном? Тревожащая Екатерина мысль наконец-то сформулировалась четко, во всем своем ужасе, и Катя выхватила из сумочки телефон, набирая знакомый номер.

– Алло, Глашка, ты дома?

– Ну да, а где мне быть, если я выполняю священный долг накрывания на стол, – услышала она журчащий голос молодой подружки. – Ты что, бабушку не знаешь? Она с утра на целую роту наготовила, а я теперь мечу все из печи. Уже вспотела вся. Ты, кстати, скоро придешь? А то я одна умаялась.

– Да, я уже бегу, – сообщила Катя и покосилась на стоящего рядом Бекетова. – Глаш, а Аглая Тихоновна с тобой?

– В смысле? – не поняла Глаша. – Со мной, вон, рядом стоит, передает тебе привет.

Парализующий страх схлынул так же внезапно, как и пришел. На мгновение Кате показалось, что она даже почувствовала дуновение ветра у самых пяток, мимо которых поток страха стремительно убегал в землю. С Аглаей Тихоновной было все в порядке, на бульваре убили кого-то другого, а значит, можно было выдыхать.

– Поцелуй ее и скажи, что я буду минут через пятнадцать, – сказала Катя и отключилась. – Владимир Николаевич, вы не против, если я пойду? У бабушки моей подруги сегодня день рождения, меня ждут.

– Вы в какой-то момент подумали, что это она – та самая жертва с бульвара? – проницательно спросил Бекетов. – Любопытно, почему вы так решили. Ваша знакомая пожилая дама кажется вам идеальным объектом для убийства?

– Вы говорите глупости!

Это было грубо, но в данный момент Екатерина Холодова не думала о политесе. За пять минут следователю

Бекетову удалось напугать ее дважды, и так просто спустать ему с рук свой недавний страх она не собиралась.

– Бабушка моей подруги удивительная женщина, но случайное нападение с целью ограбления, к примеру, может подстергать любого. Она уже немолода, вряд ли могла бы дать отпор. Но, к счастью, с ней все в порядке. А вам я желаю удачи в вашем расследовании. До свидания.

– Погодите, Катя, давайте я вас провожу. – Не дожидаясь ее ответа Бекетов пошел рядом, примериваясь к ее поспешным шагам. – А цветы, как я сейчас понимаю, имениннице?

– Да, ей. Владимир Николаевич, так вы зачем пришли-то?

– Увидеть вас захотел, – бухнул он, и Катя запнулась, сбилась с хода, настолько неожиданным был для нее этот ответ.

– Зачем? У вас что-то случилось? Вы бы хотели проиграть какую-то ситуацию? По методу Открытого театра?

Теперь следователь смотрел на нее снисходительно и даже с какой-то жалостью.

– Катя, у меня не может ничего случиться. В смысле, ничего такого, с чем я не смог бы справиться БЕЗ проигрывания ситуации. Вы хотя бы приблизительно догадываетесь, что представляет собой моя работа?

– Приблизительно да, – буркнула Екатерина, – ваша работа – находить трупы на бульваре. И если честно, я давно заметила, что наши занятия вам совсем не нравятся. Я даже собиралась у вас спросить, зачем вы

тратите на Открытый театр свое время, но не успела. До пандемии.

– Потому что мне нравитесь вы. — Он улыбался, хорошо, открыто, и эта улыбка удивительно шла ему, немолодому и уставшему человеку, работа которого заключается в том, чтобы находить трупы на бульваре.

Сорокалетняя актриса Екатерина Холодова, пережившая не один роман и никогда не терявшая уверенности в себе, вдруг почувствовала, что краснеет. Это было странно, потому что в стоящем перед ней совершенно обычном, немолодом уже мужчине, сидящая пузырем рубашка которого явно скрадывала намечающееся пузико, не было ничего сбивающего дыхание и заставляющего краснеть. Осознание странности сменилось злостью.

– Владимир Николаевич, меня ждут, а вы отнимаете у меня время, — отрезала она, развернувшись к нему лицом. — Поэтому давайте мы с вами расстанемся здесь. Вы пойдете по своим делам, которые у вас, несомненно, есть, а я отправлюсь на день рождения, которого очень давно ждала. Из-за этого чертового карантина я не видела Аглаю Тихоновну почти три месяца и не хочу терять ни минуты времени, которое могу потратить на беседу с ней. Она, знаете ли, интереснейший собеседник.

– В отличие от меня, — Бекетов закончил неслезанное и засмеялся. — Ладно, Екатерина, я умею читать между строк и слушать между слов. Вы пытаетесь элегантно меня отшить, поэтому я удаляюсь. Простите, если показался назойливым.

Спустя всего мгновение Катя вдруг осознала, что его нет рядом. Крупный, даже грузный мужчина словно растворился в воздухе. Она даже головой повертела, пытаясь понять, куда он делся, но тишина стояла вокруг, только полупустой Цветной бульвар расстилался перед ней, и Катя пошла по нему, немного жалея об утраченной легкости, с которой она обычно преодолевала этот участок пути. Какое-то мимолетное сожаление испытывала она сейчас, хотя и не смогла бы сформулировать его природу даже для себя самой. Впрочем, ее ждала Аглая Тихоновна, а значит, сожалеть было не о чем.

1950 год, Магадан

Сожалеть было не о чем, а раз так, Аглая Дмитриевна и не сожалела. Жизнь вообще отучила ее от пустых сожалений, раз за разом лишая всего привычного, устоявшегося, важного, дорогого.

Стоя перед мутным зеркалом с облезшей по краям амальгамой, она придирчиво оглядывала себя в зеркало. Сорок восемь лет, а, пожалуй, уже старуха, особенно в сравнении с двадцатилетней дочерью. С Ольгой.

Подумав о дочери, Аглая Дмитриевна едва заметно улыбнулась. Видит бог, она много лет несла все бремя ответственности за их семью сама, в одиночку. Теперь пришел Ольгин черед. И если за спокойствие и достаток нужно заплатить, продав молодое тело, значит, так тому и быть. Она сама платила гораздо дороже.

Отойдя от зеркала, Аглая Дмитриевна выглянула в окно. Там бушевала зима, которую все привыкли

называть суровой. На самом деле температура воздуха в декабре в Магадане практически никогда не опускалась ниже пятнадцати градусов мороза, пожалуй, теплее, чем в Москве, и снежных дней немного, и солнце есть, да и вообще Санкт-Петербург находится на той же географической широте, а вот поди ж ты, суровый климат, и все тут.

Впрочем, Аглая Дмитриевна прекрасно понимала, что дело вовсе не в климате и не в близости Охотского моря. На мгновение закрыв глаза, она вдруг как наяву услышала голос мужа Александра, размеренно объясняющего ей особенности местного климата в первую же зиму после ее приезда в Магадан.

– Видишь ли, Глаша, Охотское море выполняет функцию гигантского аккумулятора, поскольку его чаша, с одной стороны, достаточно обширна, а с другой, изолирована от остального Мирового океана. Весной здесь застаиваются плавучие льды, на их таяние требуется много энергии, поэтому воздух здесь и не может прогреться летом до привычных тебе температур. Лето у нас, как ты видишь, прохладное. Зато осенью и зимой воды Охотского моря отдают тепло, смягчая морозы. Но все же зима тут нестабильная, с Якутии идут антициклоны, которые способствуют установлению морозов, а с Тихого океана циклоны, которые несут потепление, снегопады и метели.

Аглаю Дмитриевну ничуть не удивило, что ее муж так уверенно разбирается в вопросах метеорологии. За годы брака она привыкла, что он знает обо всем на свете, но вот оборот «у нас» по отношению к Магадану ца-

рапнул сознание, срывая корочку с начавших подживать болячек. Восемь лет он провел здесь, в Магадане, один, без нее. И это брошенное вскользь «у нас» словно ставило крест на надеждах когда-нибудь вернуться в родную Москву. Всю жизнь ей что-то мешало туда вернуться.

В Москве Аглая Аристова родилась и провела все свое детство, поскольку вместе с сестрой воспитывалась у бабушки с дедушкой. Родителям, жившим в Санкт-Петербурге, было не до детей, и из Москвы ее забрали лишь в десятилетнем возрасте, да и то только для того, чтобы сразу отдать в Смольный институт. Аглае на тот момент было десять лет, разлуку с бабушкой и сестрой она переживала очень остро, но быстро поняла, что плакать, пусть даже и втихаря, вовсе не выход. За нюни и прочее нарушение дисциплины в Смольном карали жестко и слабостей не прощали.

Было это в 1912 году, и сестра Аглаи Вера, будучи на четыре года младше, подобной участи избежала. Она была слаба здоровьем, когда ей исполнилось десять, на семейном совете было принято решение оставить ее дома еще на год. Когда же этот год прошел и наступил 1917-й, проблема стала и вовсе не актуальной.

Когда в октябре 1917 года Институт благородных девиц перевозили из Петрограда в Новочеркасск, Аглая Аристова сбежала. Без предупреждения появилась она на пороге родительского дома, где ей, как оказалось, были вовсе не рады. Привыкшие к свободе родители понятия не имели, каково это — нести ответственность за дочь-подростка, тем более в новых условиях. Когда они приняли решение уехать за границу, пятнадцатилетняя

Аглая ехать вместе с ними наотрез отказалась. И отец, и мать были ей, по сути, совершенно чужими, и больше всего на свете она мечтала вернуться в Москву, к бабушке, ставшей к тому времени вдовой, и к младшей сестре.

Везти ее в Москву отец категорически отказался, не хотел тратить время на лишние поездки, которые к тому моменту были уже небезопасными. Аглаю вручили заботам коллеги отца, друга семьи Александра Лаврова, который был старше ее на пятнадцать лет, то есть почти в два раза.

Слыл он человеком обширных знаний и недюжинного интеллекта, свободно владел тремя языками, был блестяще начитан. Неудивительно, что еще в поезде Аглая влюбилась в него до беспамьяства, словно в омут нырнула.

Что думал Лавров о влюбленной в него девочке, история умалчивала. За всю дорогу он ни разу не прикоснулся к ней, только подал руку, чтобы помочь сойти сначала с поезда, а потом с пролетки извозчика. Доставил к бабушкиному дому, согласился выпить чаю с дороги, был представлен бабушке и Верочке, а после отбыл, слегка прищелкнув каблуками. Аглая, заняв свою детскую комнату, заперлась внутри и проплакала весь вечер и ночь до утра. Сердце ее было разбито.

В следующий раз Аглая Аристова увидела Лаврова страшной весной двадцатого, когда они с Верой похоронили бабушку и остались совсем одни в холодной, голодной и злой Москве. За продуктами ходила четырнадцатилетняя Вера, потому что Аглае было опасно оказаться одной на улице. Сестру она одевала как ребенка, потому

что вытянувшаяся Верочка тоже была уже достаточно хорошенькой, чтобы притягивать нескромные и недобрые мужские взгляды.

О том, что их с сестрой ждет дальше, Аглая предпочитала не думать, но отмахнуться от этих мыслей не получалось. Она понимала, что им нужно искать защиты, а найти ее можно было, только выйдя замуж. Но где при ее затворнической жизни взять жениха, да еще такого, чтобы от него не воротило с души, она не знала.

Все чаще думала Аглая о том, правильно ли поступила, отказавшись уехать с родителями, но, обращая свой взор на русую голову склонившейся над шитьем Веры, понимала, что да, правильно. Оставшись одна, девочка неминуемо пропала бы.

В бывшей бабушкиной квартире сестры занимали теперь только одну комнату, причем не самую большую. Хорошо хоть с соседями им повезло. С тихой старушкой, занимавшей самую маленькую комнату в квартире, тоже дворянкой, потерявшей всю семью, девочки разговаривали по-французски, дородная Татьяна, жившая с пятью детьми в бывшей гостиной, учила Глашу стирать белье и одалживала имеющееся у нее жестяное корыто, военный по имени Илья обеспечивал дровами и один раз отшил привязавшегося к Вере хулигана, рук не распускал, смотрел не сально. Остальные соседи были под стать — тихие, незаметные, нескандальные. Тем не менее из их с Верой комнаты Аглая предпочитала лишний раз не выходить.

Зимой девушки отчаянно мерзли. Принесенные дрова кончались быстро, чтобы их сберечь, буржуйку раста-

пливали только по утрам. К ночи комната выстуживалась окончательно, и, лежа на одной кровати и прижавшись друг к другу, чтобы согреться под двумя тонкими одеялами, они отчаянно дрожали.

Аглае было проще, она привыкла мерзнуть в Смольном. Там тоже холод преследовал институток везде: в классах, в столовой, в спальнях. Иногда, засыпая, она вдруг воображала, что ничего не изменилось. Она по-прежнему в институте, рядом ее подруги, а Вера где-то далеко, в Москве. И не было никакой революции, и бабушка с дедушкой живы, и родители где-то неподалеку.

Потом она открывала глаза и обнаруживала себя в настоящем, в старом дедовом доме, в котором теперь можно было занимать только одну комнату, с дрожащей и стонущей во сне Верой рядом.

Сестренка мучилась от холода ужасно и даже разболелась, металась в бреду и кашляла так, что Аглае иногда казалось, что сестра задохнется. Пришлось вызвать доктора, который ходил к ним, когда девочки были еще детьми. Он жил на соседней улице, пришел быстро, выслушал Веру фонендоскопом — деревянной трубочкой, которую он смешно прикладывал к уху с таким серьезным видом, что Аглая не выдержала и засмеялась, хотя, видит бог, не было вокруг ничего, что способствовало веселью.

Ничего серьезного он у девушки не нашел, выпил порошок и микстуру, обещал зайти через пару дней и действительно пришел, а потом начал захаживать регулярно, явно оказывая Аглае знаки внимания. Было ему

за пятьдесят, пожалуй, даже ближе к шестидесяти, и, поняв истинную причину его визитов, Аглая сначала удивилась, потом испугалась, а потом, поразмыслив, решила, что это, пожалуй, выход из той ситуации, в которой они с Верой оказались.

Жить им было практически не на что, все ценное, что осталось от бабушки и деда, Аглая давно уже выменяла на продукты, оставила лишь старинную бабушкину камею, с которой не смогла расстаться. Бабуля носила ее, не снимая, и Глаша тоже каждое утро пристегивала к потрепанной блузке камею, считая ее талисманом на удачу.

Старый доктор-вдовец мог предоставить им кров, защиту и еду, что, по нынешним временам, было совсем не мало. И в какой-то момент Аглая решила, что, когда он, наконец, объяснится, она согласится на любое предложение. Замуж так замуж, в содержанки так в содержанки.

Тот день, который в очередной раз изменил ее жизнь, начался буднично. Сестры, проснувшись, застелили постель, по очереди сходили в ванную комнату, оделись и причесались, как делали всегда, не позволяя себе даже в комнате ходить распустехами. На завтрак был хлеб с куском сахара и горячий чай. Затем Вера ушла в магазин, взяв с собой деньги, которые пару дней назад Аглае удалось выменять на старинный серебряный подстаканник, а старшая сестра осталась дома, пристроившись с книгой перед растопленной буржуйкой.

Раздавшийся звонок в дверь не мог иметь к ней никакого отношения, потому что звонили один раз, а не

три. Да и не ждала она никого в этот утренний час. Кто-то из соседей открыл дверь, в коридоре послышались шаги, потом тихий стук. Аглая выскользнула из кресла, отперла замок, не успев ни удивиться, ни испугаться. Она вообще жила как во сне, иногда думая о том, что за три года растеряла весь спектр эмоций, перестав как плакать, так и улыбаться.

За дверью стоял Александр Лавров. Как ни странно, за эти годы Аглая ни разу не вспоминала свою случайную влюбленность и вызвавшего ее человека, но узнала его сразу, словно за дверь квартиры, поцеловав на прощание бабушкину руку, он вышел пару дней назад.

– Здравствуйте, Аглая Дмитриевна, – сказал он, – хотел прийти в день вашего рождения, но был в командировке, поэтому извините, что с опозданием.

– Откуда вы знаете, когда у меня день рождения? – глупо спросила Аглая и, спохватившись, добавила: – Вы проходите внутрь, пожалуйста. Негоже это, на пороге стоять.

– Я был дружен с вашими родителями, поэтому знаю, когда у вас и Веры Дмитриевны день рождения. Впрочем, важно сейчас не это. Аглая Дмитриевна, выйдите за меня замуж.

Вряд ли было что-то, чем он мог удивить Аглаю больше.

– Замуж? – спросила она, словно не верила собственным ушам. – В каком смысле замуж?

Лавров засмеялся, словно она спросила невесть что смешное.

– В самом прямом, – заверил он. – Если вы хотите, я на колени встану. Я вас полюбил тогда, в поезде, по

дороге из Петербурга в Москву. Но вы были пятнадцатилетней девочкой, вот и пришлось подождать до вашего совершеннолетия.

– Из Петрограда в Москву, нет теперь Петербурга, – зачем-то поправила его Аглая. – Хотя получилось красиво, почти по Радищеву. Боже мой, Александр, если бы вы тогда сказали, что все дело в том, что надо всего-навсего подождать. Я же была уверена, что больше никогда вас не увижу.

Расписались они на следующий же день, после чего Лавров перевез Аглаю и Веру к себе. Только после свадьбы Аглая узнала, что он работает дипломатом, близок к Максиму Литвинову, часто бывает за границей. Благодаря ему Аглая увидела Вену, Берлин и Париж, где ей довелось, пусть ненадолго, но все-таки повидать родителей.

Отец замужество дочери одобрил.

– Саша тебя не обидит, – сказал он. – Будешь за ним как за каменной стеной, да и Веру удачно замужстроишь. Молодец, дочка, не ожидал, что ты такая.

– Какая? – спросила Аглая, во всем любившая точность.

– Умеющая приладиться к обстоятельствам.

Что он имел в виду, Аглая тогда поняла не очень. Мужа своего она любила и замужество браком по расчету не считала. Отцу она хотела возразить, что, бросив на произвол судьбы двух дочерей, он утратил моральное право одобрять или осуждать принятые ими решения, но не стала. Разве словами что-нибудь изменишь?

Спустя восемь лет после свадьбы старшей сестры вышла замуж Вера, Аглая и Александр остались в квартире вдвоем. Детей у них не было довольно долго. Аглая по этому поводу расстраивалась не сильно, получая удовольствие от светских раутов, на которых блистала, как в Москве, так и за границей, а Александру, казалось, и вовсе было довольно ее одной, и в качестве жены, и в качестве ребенка, которого он лелеял и баловал. Дочь у Лавровых родилась лишь через десять лет после скоропалительной свадьбы – в 1930-м. Аглае исполнилось двадцать восемь, ее мужу – сорок три. Девочку называли Ольгой.

– Мама, я пришла, ты дома?

Аглая Дмитриевна вынырнула из воспоминаний, оторвалась от окна, в которое, оказывается, бездумно смотрела битых полчаса. Сказать или не сказать? Велеть или не велеть? Она посмотрела на влетевшую в комнату двадцатилетнюю дочь, прекрасную в своей отнюдь не безмятежной юности. Сейчас, в далеком от Москвы, безжалостном к чужакам и неприспособленным людям Магадане у них обеих был только один шанс выжить. Тот самый, о котором много лет назад думала восемнадцатилетняя Глаша, согласная выйти замуж за старого доктора, только чтобы защитить себя и сестру от голода и надругательств.

Ночь, улица, фонарь, аптека.
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.